

УДК 811.432.875.2:327
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.08

История распространения суахили: от языка восточноафриканского побережья до языка общеафриканского масштаба

Иван Сергеевич КОЛЬЦОВ

старший лаборант Центра изучения стран Глобального Юга
Институт научной информации по общественным наукам Российской академии
наук (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Российская Федерация, 117418
E-mail: ivankolcov136@gmail.com
ORCID: 0009-0002-0524-0639

ЦИТИРОВАНИЕ: Кольцов И.С. История распространения суахили: от языка восточноафриканского побережья до языка общеафриканского масштаба // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2025. Т. 18. № 4. С. 141–152.
DOI: 10.31249/kgt/2025.04.08

Статья поступила в редакцию 27.02.2025.
Исправленный текст представлен 06.10.2025.

АННОТАЦИЯ. *Опираясь на историко-генетический метод, рассматриваются и анализируются основные вехи эволюции языка суахили, начиная с его формирования в VIII в. Отображено развитие языка суахили как комплексное явление, отвечающее историческим вызовам. Отмечена роль языка как в контексте колониальной администрации, так и в процессе антиколониальной борьбы. Отдельной частью статьи выступает исследование места суахили в panaфриканистском векторе политики Африки, а также его места в структуре ООН, трудностей, связанных с возможностью предоставления ему официального статуса языка ООН. Рассмотрены следующие этапы развития языка суахили: становление языка (VII–XIII вв.), по-*

явление арабографической письменности (XII–XIII вв.), появление португальских заимствований (XV–XVII вв.), распространение языка в районе Великих озёр (XVIII–XIX вв.), переход на латинскую графику в 1930-х годах. Обзор завершается рассмотрением современной ситуации, отмечены тенденции продвижения языка как официального языка ООН.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык суахили, восточноафриканское побережье, колонизация, диалекты языка суахили, стандартизация языка, panaфриканизм, распространение языка суахили, ООН.

Суахили справедливо считается самым распространенным автохтонным языком Африки, что подтверждается

внушительным числом его носителей. Так, по данным ЮНЕСКО, на суахили говорит более 200 млн чел. в 14 государствах мира, включая Оман и Йемен.

Однако важно отметить, что суахилиязычное пространство не является однородным. Оно состоит из множества диалектов и пиджинов, при этом носители языка часто являются полиязычными. Для удобства классификации Джоном Алленом [Allen, 1965] было предложено разделять область использования суахили на 3 ареала: А, В, С.

Ареал А охватывает прибрежные и островные районы Танзании, Кении, на которых исторически формировался язык суахили. Сегодня же для большей части их населения язык суахили служит основным средством коммуникации.

Ареал В, включающий почти всю материковую Танзанию, Кению и Уганду, а также некоторые районы Малави, Бурунди, Мозамбика, Замбии, Демократической Республики Конго, характеризуется полиязычием. Несмотря на главенствующую роль суахили, в определенной социальной ситуации используются языки народностей.

В ареале С лишь часть населения понимает и использует язык суахили, но он не распространен повсеместно [Allen, 1965].

Многие десятилетия в научном мире исследуется вопрос о происхождении и распространении языка суахили. Так, одним из первых в СССР поднял эту тему В.М. Мисюгин [Мисюгин, 1959; Мисюгин, 1967].

К вопросам изучения миграции и этнической истории суахили обращалась М.А. Толмачёва [Толмачёва, 1970]. Ряд трудов по развитию тех или иных аспектов был создан усилиями В.В. Матвеевой, В.Е. Овчинникова, Л.Е. Кубеля, А.А. Жукова. Несомненно, эта проблематика затрагивалась в той

или иной степени и в работах Н.В. Громовой, М.Д. Громова, М.В. Никольской, М.Е. Смирнова, Д.М. Бондаренко, Р.З. Юзмухаметова, Н.Е. Хохольковой, А.Ю. Москвитиной, Н.С. Фроловой и др. В их работах освещены темы развития суахилиязычной литературы, истории, политики, иностранных заимствований, культуры и религии.

Ряд зарубежных исследователей также занимались изучением вопроса развития и распространения языка суахили. Так, Эрик Гилберт [Gilbert, 2002] исследовал трансокеанскую торговлю и влияние ее на формирование и распространение языка суахили. Бриан Моррис [Morris, 2006] фокусирует свое внимание на суахилийских государствах на берегу озера Малави. История языка суахили подробно описана в монографии под авторством Дж.М. Мугане [Mugane, 2015], а также в работах Томаса Спир [Spear, 2002], Мартина Уолша [Walsh, 2017].

Для формирования целостной картины современного состояния языка суахили следует принимать во внимание его историческое развитие. Темпы становления суахили, заложенные в прошлом, демонстрируют ряд тенденций, наблюдаемых сейчас. Необходимо помнить, что эволюция языка неразрывно связана с изменением общества, в котором он используется.

Историческая перспектива языка суахили

Традиционно считается, что арабы, персы, индусы и иные иноземцы стали переселяться на острова и линию побережья Восточной Африки, населенную в то время банту. В VII–XIII вв. взаимодействие данных народов с местным населением обусловило формирование языка кисуахили (суахили). Данный термин состоит из бантуанского префикса «ки» – класс имен, включающий

в себя в том числе языки арабской основы «свахиль» – часть побережья, гавани, прибрежные районы портовых городов. Исходя из этого, кисуахили можно дословно перевести как «язык побережья» [Жуков, 1971].

Анализ научной и нарративной литературы показывает, что функциональная дистрибуция языка суахили варьируется от определенного хронологического периода. Примерно в VII–XV вв. суахили был языком небольшой социоэтнической общности – васуахили.

В результате синтеза различных культур на этих территориях появилась новая цивилизация – суахилийская. Ее центрами были города-государства васуахили, в которых развивались архитектура, сельское хозяйство, литература, мореплавание.

Особый интерес в контексте развития языка суахили представляют формирование и интенсификация торговли между государственными образованиями внутренних районов Африки с азиатскими партнерами.

Васуахили, контролировавшие побережье и удобные гавани, выступали посредниками в установлении торговых связей. Это способствовало эволюции языка суахили и расширению его влияния в регионе.

Например, торговля между Мономотапой и азиатскими государствами осуществлялась через город-государство Софала. Как в своей работе пишет Э. Гилберт [Gilbert, 2002], это привело к распространению влияния васуахили до района реки Замбези.

В XII–XIII вв. у языка суахили появляется арабографическая письменная традиция, но единого варианта

языка всё еще не существовало. Авторами были выходцы из различных суахилиязычных городов-государств, носители их диалектов. Отечественный исследователь языка суахили А.А. Жуков [Жуков, 1971] отмечал, что на этом этапе времени существовало несколько основных диалектов: киаму – диалект районов острова Ламу, кимвита – диалект города Момбаса, киунгуджа – диалект острова Занзибар (Унгуджа).

Приверженность автора к тому или иному жанру литературы зависела от места его проживания: тумбуизо¹, тенди² и нйимбо³, машаири⁴. Такой вывод сделала немецкий исследователь поэзии на языке суахили К. Вирке [Фролова, 2017].

В XV в. торговая архитектура в Восточной Африке претерпела значительные изменения. Португальцы, пришедшие в регион Индийского океана, контролировали западную часть акватории и ряд ключевых суахилийских городов-государств, таких как Момбаса, Килва-Кисивани и Софала. Это привело к упадку суахилийской культуры [Gilbert, 2002].

В середине XVIII в. основное влияние на регион оказывали оманцы, которые, в отличие от португальцев, смогли легко интегрироваться в социальную структуру васуахили. Уже в XIX в. из-за преобладания во внутренней торговле Восточной Африки занзибарский диалект языка суахили – киунгуджа – стал самым распространенным вариантом.

Повсеместное использование языка суахили заметили и европейцы, пришедшие в регион в первой половине XIX в. Позднее сначала немецкая, а потом британская колониальная ад-

1 Тумбуизо – долгие серенады.

2 Тенди – поэмы.

3 Нйимбо – песни.

4 Машаири – стихи.

министрация использовали преимущественно суахили для управления территориями Восточной Африки.

Предполагалось, что язык суахили станет инструментом регионального единства, для чего его использование требовалось расширить [Walsh, 2017].

В 1925 г. был создан Межтерриториальный комитет по языку суахили (ILC), задачами которого были стандартизация языка суахили и решение лингвистических проблем на территориях колоний [Robinson, 2022].

На фоне процессов унификации языка суахили сформировались два связанных процесса: деарабизация и европеизация/христианизация. Некоторые мусульманские лидеры бойкотировали переход на латинскую графику в суахили. Так, шейх Аль-Амин бин Али призывал свою умму игнорировать «изуродованный европейцами суахили» [Москвитина, 2023].

Положение суахили в 1920–1930-х годах не было идентичным для всех колоний. В Кении администрация ставила под сомнение выбор киунгуджи за основу стандартной формы суахили. Администрация Уганды предпочитала консолидировать население, используя английский язык. Танганьика, наоборот, вносила непропорционально большое влияние в работу Межтерриториального комитета по языку суахили, позднее переименованного в Восточноафриканский комитет по языку суахили (EASC).

В 1948 г. под эгидой колониальных правительств Восточной Африки было создано Восточноафриканское литературное бюро (EALB). Бюро выпускало литературу не только на стандартизированном языке суахили, но и на других восточноафриканских языках, с различной степенью кодификации [Robinson, 2022].

Вместе с тем просветительские и общественно-политические организации

Африки, а также некоторые представители интеллигенции использовали язык суахили для антиколониальной борьбы.

В 1948 г. Саадан Кандоро, один из организаторов ТАА (Африканской ассоциации Танганьики) и будущий соучредитель ТАНУ (Африканского национального союза Танганьики), опубликовал свою поэму-тенди «Следует использовать суахили» (суах. *Kitumike Kiswahili*), в которой призывает сделать суахили официальным языком Законодательного Совета Танганьики. Через год ТАА требовала вести законодательство на языке суахили, что не было реализовано в полной мере [Robinson, 2022].

Для достижения своей цели данные организации часто прибегали к забастовкам и протестам. Это особенно проявилось в крупнейших портовых городах Восточной Африки, таких как Момбаса, Дар-эс-Салам. В 1947 г. в Дар-эс-Саламе произошла забастовка портовых рабочих. Язык суахили стал средством агитации и, как отмечают, языком кенийского пролетариата.

Кенийский пролетариат способствовал и укреплению языка суахили в Уганде. В этом случае язык суахили также выступал лингва франка между кенийскими и угандийскими рабочими. Создавались профсоюзные движения, использующие язык суахили. Многие из них позднее были инкорпорированы в антиколониальную борьбу.

В 1952 г. в Кении началось восстание Mau-Mau; оно интересно не только с позиции первого за много лет вооруженного восстания в Восточной Африке, но и с точки зрения использования языка суахили. Он был частью пропаганды обеих сторон. Со стороны Великобритании ее курировал Британский колониальный департамент информации; один из его проектов – «Голос Момбасы» (суах. *Sauti ya Mvita*), кото-

рый был ориентирован на мусульманское население прибрежного района Кении, в основном суахилиязычное. Среди населения Момбасы было распространено и *Cairo Radio* («Радио Каира»), имеющее на то время вещание на двух языках: арабском и суахили. Исламская риторика данных радиостанций вызывала отклик у местного населения, а тема May-May преподносилась под нужным для колониальной администрации углом, а часто и вовсе опускалась [Mazrui, Njogu, 2023].

Со стороны кенийцев появились работы местных литераторов. Самым ранним произведением был рассказ Питера М. Карейти «Могила без креста: история о войне May-May» (суах. *Kaburi Bila Msalaba: Hadithi ya Vita vya Mau Mau*); в нем рассказывается про массовые аресты народа кикуйю (гикуйю, агикуйю) и помещение их в резерваты, что явилось одним из последствий May-May. Эта тема поднималась во многих литературных произведениях, в том числе в традиционных поэмах-тенди [Mazrui, Njogu, 2023].

Трансформация жизни и мировоззрения африканцев неизбежно находила свое место в творчестве поэтов. Так, в 1950–1960-х годах был популярен цикл нравоучительных машаири, написанных Амри Абеди.

В 1950 г. был создан отдел вещания на языке суахили в ООН; это стало не только принятием позиций языка суахили, но и подчеркиванием поддержки антиколониальных движений Африки.

Экспурс в историческое развитие языка суахили и анализ его функциональной и территориальной дистрибуции позволяют лучше осознать дальнейшую траекторию его развития уже в независимой Африке.

Язык суахили в условиях постколониального общества

В Танганьике после обретения независимости язык суахили получает как практическую функцию – объединение многоэтнического народа, так и символическую – подчеркивает африканское самосознание. Подобная дуальность стала частью Арушской декларации 1967 г.

Восточноафриканский комитет по языку сместил фокус с региона в целом на Танганьiku. В 1963–1964 гг. он перенес свои офисы из Макерере (Уганда) в Дар-эс-Салам (Танганьика). Отчасти данное решение было продиктовано стремлением проводить исследования в регионе, где язык суахили был официально признан, в отличие от Уганды, где он исторически конкурирует с языком луганда. В том же году он был переименован в Институт исследования языка суахили (суах. *Chuo cha Uchunguzi katika Lugha ya Kiswahili*), действовавший в сотрудничестве с Университетом Дар-эс-Салама [Robinson, 2022].

Это решение в какой-то степени нанесло урон имиджу суахили как языку региональному или даже панафриканскому, хотя дальнейшее исследование покажет, что некоторые сообщества будут продолжать использовать суахили в этой роли.

Так, в США активисты *Black Power*⁵ проводили параллели между борьбой за права человека в Америке и аналогичными движениями на Африканском континенте, то есть панафриканизм стал не только африканским движением, а был идеологической опорой для многих чернокожих националистов в США. В этих кругах была популярна фигура Джулиуса Ньерере, а также

5 Движение в Америке, возникшее в начале 1960-х годов, выступающее за права афроамериканцев.

консолидация вокруг суахили, пропагандируемого им [Громова, 2020].

Идеи panaфриканизма основывали политические курсы многих государств континента. В Танзании это подчеркивалось в том числе поддержкой народно-освободительных организаций Африки, таких как Фронт освобождения Мозамбика (*FRELIMO*), Африканский национальный конгресс (*ANC*, современный ЮАР), Союз африканского народа Зимбабве (*ZAPU*), Народное движение за освобождение Анголы (*MPLA*), Ассоциация народов Юго-Западной Африки (*SWAPO*, современная Намибия). В Танзании находились штабы данных организаций, обучение бойцов проходило также на территории Танзании, что сформировало положительный облик языка суахили.

Согласно зимбабвийскому ученому Э. Дзомбе [Дзомбе, 2020], включение языка суахили в систему высшего образования Зимбабве стало возможным, в частности, благодаря поддержке народно-освободительного движения Танзанией в Зимбабве.

Каждая страна суахилийского ядра имеет свои этнические особенности, что отражалось и на ситуации вокруг языка суахили.

Танзания в первые годы независимости отдавала предпочтение распространению суахили внутри государства, нежели его экспансии в другие государства региона. Так, была создана сеть институтов, состоящая из трех ключевых организаций: Национального совета Танзании по суахили (суах. *BAKITA – Baraza la Kiswahili la Taifa*), Общества композиторов и поэтов на суахили в Танзании (суах. *UKUTA – Chama cha Usanifu wa Kiswahili na Ushairi Tanzania*) и Национального совета по суахили на Занзибаре (суах. *Baraza la Kiswahili la Zanzibar* или *BAKIZA*). Эта политика в совокупности с рядом других мер, предпринятых правительством Тан-

зании, сформировала у танзанийцев чувство национальной идентичности, базирующейся на языке суахили [The Palgrave Handbook..., 2024].

В Кении после получения независимости правительство придерживалось курса невмешательства в языковую среду, что привело к сложной лингвистической ситуации, характеризующейся региональным разделением между английским, суахили и местными языками. Другой отличительной чертой Кении является наличие множества диалектов. Такие сленги, как *Sheng* и *Engsh*, уже вышли за рамки молодежного языка и активно используются в том числе в политической коммуникации.

В Уганде после обретения независимости правительство Милтона Оботе объявило английский язык официальным языком государства. Тем не менее суахили оставался языком армии и полиции. В 1970 г. Милтон Оботе рекомендовал создать кафедру языка суахили в УниверситетеMakerере. Следующий президент Уганды – Иди Амин – инициировал общенациональный опрос, какой язык должен стать национальным: луганда или суахили? Большая часть провинций (12) проголосовала за суахили, а 7 – за язык луганда. Для продвижения языка суахили в 1984 г. была создана Ассоциация суахили Уганды (суах. *Chama cha Kiswahili*), она продолжает свою деятельность и по сей день [Pawlikova-Vilhanova, 1995].

Несмотря на определенные проблемы на национальном уровне, язык суахили – единственный автохтонный язык Африки, признанный в таких крупных интеграционных структурах, как Восточноафриканское сообщество (ВАС), Сообщество развития юга Африки (САДК) и Африканский союз (АС). Как отмечает М.В. Никольская, наибольших результатов он достиг в ВАС, где имеет статус официально-

го и/или национального языка в пяти из восьми стран-членов [Никольская, 2024].

Увеличение числа государств – членов ВАС ведет за собой укрепление суахили в них, а иногда и расширение ареала использования. Так, в Руанде и Уганде язык суахили стал официальным вследствие вступления их в ВАС; для Бурунди, Сомали и Южного Судана, Демократической Республики Конго немаловажную роль в распространении суахили сыграл феномен трансграничной миграции.

Правительства Танзании, Кении и Уганды организовывали на своей территории лагеря для беженцев, в которых образование велось по государственным стандартам; соответственно, в Кении и Танзании преподавался и язык суахили.

Таким образом, дети беженцев, родившиеся на территории лагерей, часто владели только языком суахили. В Бурунди для таких людей неофициально используется термин *sabini na mwili*⁶. Имеется в виду 1972 г. – год, связанный с первой волной миграции, спровоцированной геноцидом. В этот год более 200 тыс. граждан Бурунди мигрировали в Танзанию, где проживали не менее 10 лет. В дальнейшем было еще несколько волн миграции из Бурунди, последняя из них была в 2015 г., когда в Танзанию переселились более 400 тыс. чел. [Mazrui, Njogu, 2023].

В августе 2019 г. суахили стал четвертым официальным языком САДК (Сообщество развития Юга Африки), что явилось основой для включения языка суахили в систему образования нескольких стран юга Африки.

В 2023 г. министр базового образования Ботсваны Фиделис Молао⁷ объявил о планах ввести преподавание языка суахили в школах. Его уже изучают в Университете Ботсваны, на кафедре африканских языков и литературы, наряду с сетсвана⁸ и икаланга⁹. Можно расценить это как некий шаг к построению экспортоориентированной экономики, что является целью государства.

Важно четко обозначить, что Ботсвана – страна, зависящая от экспорта алмазов и транспортной инфраструктуры. Поэтому торговые соглашения с другими странами Африки имеют решающее значение для продвижения интересов Ботсваны. Включение Ботсваны в САДК открыло доступ к более чем 300-млн рынку.

Конечно, для формирования общего рынка требуется единый язык. Кажется весьма маловероятным, что в случае САДК им может стать суахили, поскольку в государствах – членах САДК английский более распространен.

Распространение языка суахили за национальные границы является частью танзанийской концепции *ubidhaishaji* (суах. – маркетинг), которая рассматривает язык суахили как средство продвижения позитивного имиджа Танзании. Юридический базис концепции содержится в Национальной стратегии по маркетингу языка суахили (суах. *Mpango Mkakati wa Taifa wa Ubidhaishaji wa Kiswahili*), разработанной в 2022 г. Для достижения конечной цели был выработан комплекс мер по подготовке квалифицированных кадров и расширению географии преподавания языка суахили. В конечном

6 Суах. – 72.

7 Botswana to introduce Swahili language in local schools // CGTN. – URL: <https://africa.cgtn.com/botswana-to-introduce-swahili-language-in-local-schools/> (дата обращения: 27.07.2025).

8 Сетсвана (тсвана) – язык группы банту, распространенный на юге Африки.

9 Икаланга – язык группы банту, на котором говорит народ каланга в Ботсване и Зимбабве.

итоге в посольствах Танзании в других государствах открывались центры изучения языка суахили, что увеличило его распространение по миру [Никольская, 2024].

Еще до принятия этой концепции язык суахили приближался к «универсалистской стадии», о чем писал А. Мазруи [Robinson, 2022] в 1998 г. Под этим термином он понимал наиболее широкое применение языка суахили на международном уровне, в том числе в сфере научного общения и технологий.

В 2003 г. в Танзании было опубликовано первое руководство по программному обеспечению на суахили, которое составляли сотрудники TUKI. До этого пользователи из Восточной Африки использовали английский язык в данной сфере, из-за чего в суахили не было нужной терминологии.

В 2004 г. компания *Microsoft* в Найроби выпустила заявление, в котором объявила о своем решении выпускать программное обеспечение *MS Office* на языке суахили. Этот шаг подчеркивает коммерческий потенциал, заложенный в язык суахили. Для выработки необходимой терминологии на языке суахили была собрана комиссия из представителей Танзании, Кении и Уганды. Следует сказать, что *Microsoft* – одна из крупнейших транснациональных корпораций, использующих язык суахили [Дзомбе, 2020].

В 2021 г. на уровне ЮНЕСКО 7 июля был признан Всемирным днем суахили. На данный момент это единственный африканский язык, признанный на таком уровне [Громова, 2022].

Поскольку зона использования суахили была расширена и сформировался Ареал С, возникла инициатива о присвоении ему статуса официального языка ООН. Это было предложено в 2019 г. представителем Танзании в ООН. Для обоснования своей пози-

ции он приводил следующие аргументы: во-первых, на суахили говорят почти 500 млн чел. в мире (*прим. автора: цифра весьма завышена*); во-вторых, язык суахили был признан на уровне Африканского Союза, ВАС и САДК; в-третьих, язык суахили является языком вещания многих мировых СМИ. Данный вопрос не получил широкого обсуждения ни на уровне ООН, ни в научном и политическом сообществе.

В контексте всё громче звучащих настроений о предоставлении Африке большей субъектности в мировой политике придание языку суахили статуса официального языка ООН может частично решить этот запрос.

Предполагается, что данная инициатива столкнется с рядом практических проблем. Первой из них является неопределенность в оценке численности носителей языка суахили. Так, в работе М.В. Никольской приводится показатель 150 млн чел. [Никольская, 2022], однако другие исследования оперируют цифрами 70–200 млн. Данная проблема проистекает из отсутствия четкого разграничения между носителями суахили как родного и как второго языка среди африканского населения.

Анализ ключевых этапов эволюции языка суахили раскрывает его исключительную адаптивность. Более того, он выступает фактором формирования общественного сознания, проявляя одновременно удивительную устойчивость и динамичность, позволяющие ему трансформироваться во времени и пространстве.

На раннем этапе развития язык суахили был языком определенной социотнической общности, но в дальнейшем он становится региональным языком лингва франка (в широком понимании – [Виноградов, 2010]), средством межнационального диалога, а

в последнее время становится языком континентального масштаба, представленного на уровне ряда региональных объединений Африки.

Расширение ареала использования языка суахили повлекло за собой закрепление его на уровне ЮНЕСКО. Вместе с тем это вызвало инициативы по предоставлению языку суахили статуса официального языка ООН, но на сегодняшний момент реализация ее может столкнуться с рядом трудностей.

Список литературы

- Виноградов В.А. Лингва франка // Большая российская энциклопедия. – Т. 17. – Москва : БРЭ, 2010. – С. 490.
- Громова Н.В. Саба Саба – Всемирный День суахили // Азия и Африка сегодня. – 2022. – № 11. – С. 73–79. – DOI: 10.31857/S032150750022933-8.
- Громова Н.В. Язык суахили в афроамериканской культуре // Актуальные проблемы мировой политики / под ред. Т.С. Немчиновой. – Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета. – 2020. – С. 144–153. – DOI: 10.21638/11701/26868318.09.
- Жуков А.А. К изучению этнолингвистической ситуации в Восточной Африке (о роли языка суахили) // Этнографическое обозрение. – 1971. – № 1. – С. 46–53.
- Мисюгин В.М. О происхождении и распространении языка суахили // Африканский этнографический сборник. III. Труды Института этнографии АН СССР. – 1959. – Т. 52. – С. 36–47.
- Мисюгин В.М. Основные черты этнической истории суахили : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ленинград : АН СССР. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1967. – 10 с.
- Москвитина А.Ю. Национальный язык как тема современной латинографичной и арабографичной поэзии на суахили в Восточной Африке // Language in Africa. – 2023. – Т. 4, № 2. – С. 89–112. – DOI: 10.37892/2686-8946-2023-4-2-89-112.
- Никольская М.В. Политическое измерение суахили в Восточной Африке: страновой и региональный аспекты // Сравнительная политика. – 2022. – № 3. – С. 74–93. – DOI: 10.46272/2221-3579-2022-3-13-74-93.
- Никольская М.В. Современная языковая политика в Танзании: *cui prodest? cui bono?* // Ученые записки Института Африки РАН. – 2024. – № 3. – С. 114–130. – DOI: 10.31132/2412-5717-2024-68-3-114-130.
- Толмачёва М.А. Восточная Африка в средневековых арабских известиях. Этногеографическое исследование : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ленинград : АН СССР. Институт этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1970. – 23 с.
- Фролова Н. С. Феномен кенийской суахилиязычной поэзии: консервация и обновление поэтической традиции // Африканский сборник. – 2017. – Санкт-Петербург : МАЭ РАН, 2017. – С. 194–219.
- Allen J. The case for developing Swahili // East African Journal. – 1965. – Vol. 2, N 2. – P. 29–34.
- Gilbert E. Coastal East Africa and the Western Indian Ocean: Long-Distance Trade, Empire, Migration, and Regional Unity, 1750–1970 // The History Teacher. – 2002. – Vol. 36, N 1. – P. 7–34. – DOI: 10.2307/1512492.
- Mazrui A., Njogu K. Swahili in Spaces of War a Sociolinguistic Odyssey / Palgrave Studies in Languages at War. – Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2023. – 232 p.
- Morris B. The ivory trade and chiefdoms in pre-colonial Malawi // The Society of Malawi Journal. – 2006. – Vol. 59, N 2. – P. 6–23.
- Mugane J.M. The Story of Swahili. – Ohio : Ohio University Press, 2015. – 334 p.

Pawlikova-Vilhanova V. Swahili and the dilemma of Ugandan language policy // *Asian and African Studies*. – 1996. – Vol. 5, N 2. – P. 158–170.

Robinson M.J. A Language for the World. – Ohio : Ohio University Press, 2022. – 270 p.

Spear T. Early Swahili History Reconsidered // *The International Journal of African Historical Studies*. – 2002. – Vol. 33, N 2. – P. 257–290.

The Palgrave Handbook of Language Policies in Africa / Ed. by E.M. Lisanza, L. Muaka. – Cham : Palgrave Macmillan, 2024. – Xxviii, 752 p.

Walsh M. The Swahili language and its early history // *The Swahili World* / Ed. by

S. Wynne-Jones, A. LaViolette. London : Routledge, 2017. – P. 121–128. – DOI: 10.4324/9781315691459-8.

Дзомбе Э. История и развитие суахили в Зимбабве = Dzombe E. Historia na Maendeleo ya Kiswahili Nchini Zimbabwe // *Языковое зеркало. Университет Зимбабве* = Kioo cha Lugha. Chuo kikuu cha Zimbabwe. – 2020. – Vol. 17. – P. 1–14. – Суах. яз.

Салах А. Современное состояние педагогики на языке суахили в Египте. = Salah A. Hali ya ufundishaji wa Kiswahili nchini Misri // *Форум суахили* = Swahili Forum. – 2023. – Vol. 30. – P. 104–117. – Суах. яз.

DOI: 10.31249/kgt/2025.04.08

The History of the Spread of the Swahili Language: From the Language of the East African Coast to the Pan-African Language

Ivan S. KOL'TSOV

Senior Laboratory Assistant, Center for Global South Research
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION RAN)

Nakhimovsky Avenue, 51/21, Moscow, Russian Federation, 117418

E-mail: ivankolcov136@gmail.com

ORCID: 0009-0002-0524-0639

CITATION: Kol'tsov I.S. (2025). The History of the Spread of the Swahili Language: From the Language of the East African Coast to the Pan-African Language. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, vol. 18, no. 4, pp. 141–152 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2025.04.08

Received: 10.10.2025.

Revised: 13.11.2025.

ABSTRACT. Based on the historical and genetic method, the main milestones of the evolution of the Swahili language,

starting with its formation in the 8th century, are considered and analyzed. The development of the Swahili language is shown

as a complex phenomenon that meets historical challenges. The role of the language in both colonial administration and anti-colonial struggle is noted. A separate part of the article presents the study of the place of Swahili in the pan-Africanist vector of African politics, as well as its place in the UN structure, and the difficulties associated with the possibility of granting it the official status of a UN language. The following stages of the development of the Swahili language are considered: the formation of the language in the 7-13th centuries, the appearance of Arabic script in the 12-13th centuries, the appearance of Portuguese borrowings in the 15-17th centuries, the spread of the language to the Great Lakes region in the 18-19th centuries, the transition to Latin script in the 1930s. The review concludes with a review of the current situation, noting trends in promoting the language as the official language of the United Nations.

KEYWORDS: Swahili language, East African coast, colonization, dialects of the Swahili language, standardization of the language, pan-Africanism, the spread of the Swahili language, the United Nations.

References

- Allen J. (1965). The case for developing Swahili. *East African Journal*. Vol. 2, no. 2, pp. 29–34.
- Dzombe E. (2020). History and development of Swahili in Zimbabwe. *Kioo cha Lugha. Chuo kikuu cha Zimbabwe = Language Mirror. University of Zimbabwe*. Vol. 17, pp. 1–14 (in Swahili).
- Frolova N.S. (2017). The phenomenon of Kenyan Swahili poetry: preservation and renewal of the poetic tradition. *African Collection*. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography, pp. 194–219 (in Russian).
- Gilbert E. (2002). Coastal East Africa and the Western Indian Ocean: Long-Distance Trade, Empire, Migration, and Regional Unity, 1750–1970. *The History Teacher*. Vol. 36, no. 1, pp. 7–34. DOI: 10.2307/1512492.
- Gromova N.V. (2020). The Swahili language in African-American culture. In: Nemchinova T.S. (ed.). *Current Issues in World Politics*. St. Petersburg: Publishing House of Saint Petersburg University, pp. 144–153 (in Russian). DOI: 10.21638/11701/26868318.09.
- Gromova N.V. (2022). Saba Saba – World Swahili Day. *Asia and Africa Today*. No. 11, pp. 73–79 (in Russian). DOI: 10.31857/S032150750022933-8.
- Mazrui A., Njogu K. (2023). *Swahili in Spaces of War a Sociolinguistic Odyssey* (Palgrave Studies in Languages at War). Basingstoke: Palgrave Macmillan, 232 pp.
- Misyugin V.M. (1959). On the origin and distribution of the Swahili language. In: *African Ethnographic Collection, III, Proceedings of the Institute of Ethnography of the USSR Academy of Sciences*. Vol. 52, pp. 36–47 (in Russian).
- Misyugin V.M. (1967). *The Main Features of the Swahili Ethnic History*. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Leningrad: USSR Academy of Sciences. N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnography, 10 pp. (in Russian).
- Morris B. (2006). The ivory trade and chiefdoms in pre-colonial Malawi. *The Society of Malawi Journal*. Vol. 59, no. 2, pp. 6–23.
- Moskvitina A.Yu. (2023). National language as a theme of modern Latin and Arabic poetry in Swahili in East Africa. *Language in Africa*. Vol. 4., no. 2, pp. 89–112 (in Russian).
- Mugane J.M. (2015). *The Story of Swahili*. Ohio: Ohio University Press, 334 pp.
- Nikolskaya M.V. (2022). The political dimension of Swahili in East Africa: country and regional aspects. *Sravnitel'naya politika*. No. 3, pp. 74–93 (in Russian). DOI: 10.46272/2221-3579-2022-3-13-74-93.

Nikolskaya M.V. (2024). Contemporary language policy in Tanzania: Cui prodest? Cui bono? *Journal of the Institute for African Studies*. No. 3, pp. 114–130 (in Russian). DOI: 10.31132/2412-5717-2024-68-3-114-130.

Pawlikova-Vilhanova V. (1995). Swahili and the dilemma of Ugandan language policy. *Asian and African Studies*. Vol. 5, no. 2, pp. 158–170.

Robinson M.J. (2022). *A Language for the World*. Ohio: Ohio University Press, 270 pp.

Salah A. (2023). The current state of pedagogy in the Swahili language in Egypt. *Swahili Forum*. Vol. 30, pp. 104–117 (in Swahili).

Spear T. (2000). Early Swahili History Reconsidered. *The International Journal of African Historical Studies*. Vol. 33, no. 2, pp. 257–290.

The Palgrave Handbook... (2024). Lisanza E.M., Muaka L. (eds). *The Palgrave Handbook of Language Policies in*

Africa. Cham: Palgrave Macmillan, xxviii + 752 pp.

Tolmacheva M.A. (1970). *East Africa in Medieval Arabic News. Ethno-geographical Research*. Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Historical Sciences. Leningrad: USSR Academy of Sciences. N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnography, 23 pp. (in Russian).

Vinogradov V.A. (2010). *Lingua franca*. In: *Great Russian Encyclopedia*. Vol. 17. Moscow: Bol'shaya russijskaya enciklopediya, 490 p. (in Russian).

Walsh M. (2017). The Swahili language and its early history. In: Wynne-Jones S., LaViolette A. (eds.). *The Swahili World*. London: Routledge, pp. 121–128. DOI: 10.4324/9781315691459-8.

Zhukov A.A. (1971). On the Study of the Ethnolinguistic Situation in East Africa (On the Role of the Swahili Language). *Etnograficheskoe Obozrenie*. No. 1, pp. 46–53 (in Russian).